

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина
СЕРОВА

Абонент
доступен

МОСКВА

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Дизайн обложки *Е. Анисиной*
Редактор серии *А. Антонова*

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Серова, Марина Сергеевна.

С32 Абонент доступен / Марина Серова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Русский
бестселлер).

ISBN 978-5-04-111591-3

Татьяне Ивановой звонит ее давний клиент Степан Пожаров и просит о срочной встрече. Он сообщает, что один за другим умирают от сердечных приступов люди, бывшие приближенными предсказателя Энио, который полгода назад покончил с собой. Тогда его должны были со дня на день арестовать, и к этому приложила руку Татьяна. Теперь Степан уверен, что опасность грозит ей самой — за Энио явно кто-то мстит...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111591-3

© Серова М.С., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

Вот вроде бы ничего нового с тобой не произошло. Всё, как у всех, и всё, как всегда. Сначала люди находят друг друга, а потом теряют из вида. Причины этому разные, последствия тоже. Переживаем, плачем, протестуем или радуемся, облегченно уходим во все тяжкие и расправляем мощные крылья, которых раньше не чувствовали. И из какого только места они выросли, не подскажете?

Подруга Наташка была из тех, кто на крылья хотел плевать с высокой колокольни. Они ей мешали. Ей не посчастливилось стать той самой единственной в жизни того самого единственного, на которого она возлагала бы большие надежды. И, полагаю, ее последний «тот самый» был рад тому, что у них не сложилось. Уж слишком многого от него хотели.

Наташка вообще была девушкой требовательной. Всего она мне не рассказывала, но я примерно знала, кто на этот раз стал инициатором разрыва. И понимала ее бывшего, и в глубине души желала ему счастливо

пройти курс исцеления от последствий женского прессинга.

В очередной раз оставшись у разбитого корыта и не желая рыдать на его обломках, подруга попросила меня на один вечер разделить с ней участь несчастной русской бабы.

— За мой счет, разумеется, — уточнила она. — И обещаю не ездить по мозгам. Мне просто нужна компания в лице здравомыслящего и не обремененного семейными узами человека. Потому что сейчас, вот в этот самый момент, мне меньше всего хочется, чтобы кто-то вдруг невзначай начал рассказывать, в какой позе они сексом занимаются. Без обид, Тань?

— Без обид, — на полном серьезе ответила я. — Сама терпеть не могу, когда кто-то пирует на чужих развалинах. А что, угощаешь?

— Многого не жди, — предупредила Наташка, — но выпить куплю. Заказывай. Да, а когда приезжать-то?

Договорились на следующий вечер, который, ко всему прочему, оказался вечером пятницы.

Наташка приволокла сумку домашней еды. Готовить она любила, остановить ее было трудно, поэтому итоговым количеством того, что выходило из-под ее рук, можно было впоследствии накормить небольшой ансамбль песни и пляски. Мне она привезла овощной плов и гору незамысловатого печенья.

— Это тебе на жизнь, — пояснила она, выставляя контейнеры на мой кухонный стол. — А это, — она кивнула в сторону тяжелого пакета, — я по пути прихватила. Колбаска там всякая, сырочек, зефир по акции.

В сумке помимо прочего обнаружилось пиво.

— А вдруг захочется и его? — объяснила Наташка. — Пусть будет. Выбор — это ведь неплохо, правда?

— Не стану возражать, — ответила я и отправила пиво в холодильник.

Наташка внимательно наблюдала за моими действиями. Тот бравый вид, с которым она ворвалась в квартиру полчаса назад, стремительно испарялся. Похоже, запал кончился. Нужно было успеть поставить ее душевное состояние на «нейтралку», чтобы не дать расклеиться.

— Помой-ка помидоры, — попросила я.

Она послушно выполнила просьбу.

Накрыв на стол, мы откупили бутылку розового вина.

— Никогда такое не покупала, даже в мыслях не было, — призналась Наташка, беря бокал в руку. — И цена не сильно высокая. Впрочем, я не знаток. А ты? Может, я купила какую-нибудь дрянь?

— Я тоже знатоком себя не считаю, — успокоила я ее. — Но на дрянь не похоже.

— А то подумаешь чего, — продолжала подруга. — Я дегустировать не умею. Вино есть вино, выпил — налей себе еще, правда? Но у этого цвет, Тань, как слеза.

— Как розовая слеза, — согласилась я.

— Как розовая слеза, — повторила подруга. — Попробуем?

— И не один раз.

— Тогда давай-ка выпьем, пожалуйста, — попросила она. — Душа горит, но плакать я не буду. И вспоминать хочу только о хорошем. За нас!

Мы чокнулись. На вкус вино оказалось настолько паршивым, что мы уставились друг на друга, не зная, как реагировать. Ни она, ни я не захотели ударить в грязь лицом.

— Неплохо ведь, — с сомнением в голосе произнесла Наташка. — Очень неплохо.

— Хорошее вино. На ценителя, конечно, но хорошее, — подтвердила я. — Надо записать название, чтобы не забыть. А лучше сфотографирую бутылку. Так надежнее.

— Согласна. Чтобы снова не нарваться, — энергично закивала Наташка. — Может, по пивку?

Она достала из холодильника пиво.

— Вот это точно не разочарует.

Не в первый раз Наташка приходила ко мне «лечиться» после разрыва отношений. На моей памяти это случалось трижды. Она утверждала,

что мое общество помогает ей мало-мальски восстановить душевное равновесие. Подруга, надо отдать ей должное, нытиком никогда не была. Всегда страдала достойно, мужественно принимая факт очередной неудачи на личном фронте. Не ныла, не размазывала слезы по лицу и не задавала, как другие, вопрос «что мне теперь делать?», которого я боялась как огня, потому что никогда не знала ответа. Наташка подобным меня не мучила.

Тот, с кем у нее в очередной раз не сложилось, носил красивое имя Генрих, был младше подруги на два года, зарабатывал больше ее раз в пять и подкатил к ней первым. Их роман стремительно перерос в совместное проживание на его территории, на которой в течение последующих полутора лет они вместе засыпали и просыпались, ссорились, мирились и даже успели сделать косметический ремонт. А потом Наташка поняла, что Генрих к ней остыл.

— И тут я удивила сама себя, — сказала она. — Я не стала пытаться возродить наше счастливое прошлое. Впервые в жизни я решила не бороться за нас.

— Или за себя, — предположила я.

Наташка внимательно посмотрела на меня.

— Или так, — подтвердила она. — Оно того не стоило. И не потому, что Генрих был придурком... нет, не был. Он классный. Он

не лжет, это чувствуется. Ну, к примеру, если я с утра была похожа на картошку в мундире, он никогда не вешал лапшу на уши о том, что я прекрасно выгляжу. Наоборот. Так и говорил: «Ты похожа на картошку в мундире».

— Тебе не было обидно? — спросила я. — Иногда хочется услышать неправду, даже если все шито белыми нитками.

— Фигня, — отмахнулась Наташка. — Он умел преподнести это так, что становилось смешно.

— Но в конце концов ты поняла, что он не испытывает к тебе чувства, — напомнила я. — С чего бы?

— Перегорел, — тихо ответила подруга. — Устал от себя, устал от меня. И от нас он тоже устал. Возможно, захотел снова глотнуть свободы, которую я у него, кстати, и не отнимала. Он был первым, кого я не контролировала.

Мне хотелось спросить о том, о чем, возможно, Наташка и сама догадывалась, но по какой-то причине решила не озвучивать свои соображения. Но тему измены я решила не поднимать — уж слишком неприятной она была бы для той, которая снова потерпела фиаско. Но Наташка сама решила поделиться.

— Тань, я ведь не была влюбленной дурой, — грустно улыбнулась она. — Знаешь, есть люди, которые отметают вполне жизнеспособные причины расставания. Стоят на своем: «Нет,

меня нельзя ни на кого променять, и точка!» Конечно, можно. И я в первую очередь подумала об этом. Но все говорило о том, что никого у Генриха на тот момент не было.

— Уверена?

— Не знаю, — пожала плечами Наташка, — мне казалось, что это всегда видно. Ты чувствуешь перемены в человеке. Они не всегда ярко выражены, чаще всего плохо скрыты. Но иногда спрятаны очень глубоко. Я практически всегда чувствую такие вещи. Что-то происходит, я даже описать это не могу. Так вот, другой женщины на горизонте нет.

Я не раз слышала об эмпатии. Похоже, Наташка имела в виду именно ее. Она присматривалась к человеку и «читала» его по жестам, реакциям, фразам. Эта тема была мне интересна.

— Приведешь примеры? — попросила я.

— Конечно. Сок. Обычный сок. Я люблю вишневый, и Генрих об этом знал. Покупал мне его всегда. Но в один прекрасный момент, поставив пакет с соком на стол, на мою благодарность ответил иначе, чем раньше. Равнодушно заметил, что просто взял тот сок, который был на ближайшей полке.

— Ну и что тут такого? — не поняла я.

— Ничего такого, — ответила подруга. — Он просто взял то, что было удобнее взять. И если бы там стоял яблочный сок, то он бы

купил его. А я яблочный не очень. У меня от него изжога.

— Сложно.

— Нет, — покачала головой Наташка. — Все просто, если посмотреть с другой стороны. Просто тогда, в магазине, он произвел механическое действие.

Я подлила в стакан подруге пива. Не забыла и про себя. И попыталась оправдать поступок незнакомого мне Генриха.

— Он действовал бессознательно. Он помнил про сок, но забыл, какой именно ты любишь. Значит, голова была занята чем-то другим, — попробовала я оправдать его действия. — Но факт остается фактом: сок-то он тебе принес. Если бы ему было все равно, он бы снял с полки дрель и купил ее.

— Принес, — подтвердила Наташка. — Только не тот, который был нужен. Ой, все, Тань. Знаю, что ты подумаешь. Мол, он всегда должен держать какие-то мелочи в голове, а я капризничаю. Так?

Она почти угадала мои мысли.

— Поспешу тебя уверить, что я не требовала большего, чем мой мужчина мог себе позволить, — объяснила подруга. — Скажи мне, если бы что-то было в твоей жизни стабильно, а потом по непонятной причине вдруг изменилось, ты бы это заметила, правда?

М. Серова

■ Я задумалась. И вспомнила, как долго

привыкала к новой сумке. Со старой я обращалась вслепую и никогда не промахивалась. А вот с новой пришлось помучиться. То ключи мимо положу, то застежка найдется не на том месте, то пальцы вдруг вместо широкого ремня обнаруживают тонкий.

— Это да, — согласилась я. — Понимаю, о чем ты.

— Правда?

— Правда.

Мы перебрались в комнату. Разложили на полу толстые журналы, поставили на них стаканы и тарелки. Курили. Наташка была очень расстроена. Но не плакала, хоть и могла бы, наверное.

— Что-то у него случилось, — подвела она итог, — а мне он рассказывать не стал.

— Это точно не другая женщина?

— Нет, — ответила Наташка. — Если бы это была другая женщина, то одним соком не обошлось бы. Проявилось бы в чем-то еще.

И ведь не поспоришь.

Мы болтали еще очень долго. Единственное, о чем подруга сожалела, так это о том, что не успела узнать у Генриха о его проблемах.

— Я просто спросила: «Чем тебе помочь?» А он промолчал. Я подождала пару дней, а потом собрала вещи и вернулась домой, к маме и кошкам. Оставила записку, написала в ней, что, наверное, ему хочется побыть одному. Что

не бросаю его и буду ждать звонка. Все-таки жили мы в его доме, Тань, поэтому уходить нужно было мне.

— И что же он? Не объявился?

— Прислал сообщение. Поблагодарил за понимание, и всё.

— Как интересно, — удивилась я.

— Интересно то, что я знаю, что поступила правильно, — подвела черту подруга. — Но это не гарантия успеха. Все равно ничего не вышло.

Посадив подругу в такси, я стала убирать следы нашего пиршества. Пылесосила, мыла посуду, складывала в пакет мусор. А в голове прокручивала наш разговор. Правда, больше думала не о том, как сложно соткана человеческая психика. Я вдруг самым серьезным образом осознала, что люди редко присматриваются друг к другу. А если это все-таки происходит, то мы можем делать выводы, основанные только на том, что лежит на поверхности. А как же внутренние переживания того, кто рядом?

Почувствовав, что залезаю в какие-то философские дебри, я бросила уборку на полпути и решила, что пришла пора баиньки. В конце концов, все, о чем мне поведала Наташка, меня никак не касалось.

...

Утром следующего дня я отправилась в магазин, чтобы пополнить продовольственные запасы. Звонок от Степана Пожарова застал

меня в тот момент, когда я красиво не вписалась в узкий дверной проем при входе в универсам.

Ударившись плечом о стену, я все-таки проникла внутрь. И только тогда услышала телефонный звонок, доносящийся из сумки.

— Занята?

Ни «привет», ни «здравствуй». Что ж, заплатим той же монетой.

— Занята.

— Встретиться не хочешь?

— Зачем?

Его тон был нетерпеливым, это меня и насторожило.

— Тань, я просто так звонить бы не стал.

И ведь не поспоришь. Пожаров был моим бывшим клиентом, и дело, которым я занималась, не являлось проходным. В процессе расследования нам всем пришлось несладко. Понадобилось приложить много усилий, чтобы распутать узел, состоящий из лжи, кучи денег и тонны скрытых человеческих пороков, чтобы вывести кое-кого на чистую воду. Цена была очень высокой.

С того времени прошло примерно полгода. Мне казалось, что ничто уже не напомним о прошлом, но тот факт, что Степан проявился спустя время, доказывал обратное.

— Я сейчас в магазине, — сообщила я ему. — Как вернусь домой, могу тебя набрать. ■

— В каком ты магазине?

— А что такое?

— Да я просто сейчас свободен. Могу подвезти. Могу встретить, могу помочь. Что там у тебя, я же не знаю. Можем совместить полезное с важным.

Я назвала адрес.

— Знаю, где ты, — сказал он. — Буду минут через сорок, не долго?

— В самый раз, — вздохнула я, всматриваясь в толпу, которая атаковала новые торговые площадки. — На стоянке?

— Да, припаркуюсь там. Перед выходом набери меня, — попросил он.

Все время, оставшееся до встречи, я провела в размышлениях о том, зачем я ему так срочно понадобилась. Конечно, кое-какие догадки у меня были, но очень не хотелось, чтобы они подтвердились.

...

Загрузив пакеты с покупками в багажник своего внедорожника, Пожаров галантно открыл мне дверь, приглашая сесть в машину. С момента нашей последней встречи он ничуть не изменился. Рыжий — под стать фамилии, с усами и короткой моднявой бородкой. Пожаров питал страсть к самым обыкновенным мужским рубашкам. Он всегда закатывал рукава до локтей и сочетал рубашки отнюдь не с офисными брюками или строгими пид-